

М. Л. Хорьков
(Институт философии РАН)

**К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ «КНИЖИЦЫ ЛЮБВИ»
(«MINNEBÜCHLEIN»)
В СВЕТЕ ЕЁ ЛАТИНСКОЙ ВЕРСИИ**

В статье представлены результаты новейших исследований текста полной латинской версии немецкой «Книжицы Любви», сохранившейся под названием «*Libellus caritatis*» и недавно идентифицированной в составе рукописи Москва, РГБ, Фонд 201, № 33, 1v–15r. Немецкая версия «Книжицы Любви» («*Minnebüchlein*») сохранилась в единственной рукописи Zürich, Zentralbibliothek, Ms C 96, ff. 63v–75r. Её издатель К. Бильмейер полагал, что авторство этого текста может быть приписано немецкому доминиканцу Генриху Сузо. Однако в результате анализа латинской версии в данной статье делается вывод о том, что немецкая «Книжица Любви», скорее всего, является переводом с латинского языка и что обе версии вряд ли можно считать составленными ранее конца XIV в., т. е. они являются более поздними компиляциями с использованием извлечений из текстов Генриха Сузо.

Ключевые слова: Генрих Сузо, «Книжицы Любви», «*Minnebüchlein*», «*Libellus caritatis*».

M. L. Khorkov
(RAS Institute of philosophy)

**On the question of authorship of the *Little Book of Love*
(*Minnebüchlein*) in the light of its Latin version**

The most recent research on the complete Latin version of the Middle German *Little Book of Love* (*Minnebüchlein*, assumedly attributed by K. Bihlmayer to German Dominican friar Henry Suso), transmitted under the title *Libellus caritatis* and discovered in the manuscript Moscow, Russian State Library, Fonds 201, Ms. 33, ff. 1v–15r, leads the author of this article to the conclusion that the German version, preserved only in one manuscript (Zürich, Zentralbibliothek, Ms. C 96, ff. 63v–75r), is most likely a translation from Latin, and both versions can hardly be considered as composed before the end of the fourteenth century, i.e. they are, rather than Henry Suso's original works, later compilations that used excerpts from his texts.

Key words: Henry Suso, «*Little Book of Love*», «*Minnebüchlein*», «*Libellus caritatis*».

Весной 2016 г., во время пролистывания хранящегося в отделе рукописей РГБ латинского манускрипта № 33 из собрания А. С. Норова, у автора этой статьи вдруг возникло странное ощущение, что текст первого из входящих в состав этого кодекса сочинений ему хорошо известен, несмотря на то что прежде он его никогда не видел. По мере чтения этого небольшого текста, озаглавленного «*Libellus caritatis*» и занимающего в рукописи чуть менее пятнадцати листов, ощущение узнавания чего-то уже давно известного никуда не исчезало; напротив, оно только усиливалось. И тем острее был контраст с тем, что поначалу невозможно было ни опознать это уже давно известное, ни даже понять, что оно может собой представлять. И только спустя несколько дней какой-то очень глубокий пласт сознания дал памяти подсказку: так это же не что иное, как латинская версия немецкой «Книжицы Любви», текста, который автор этих строк переводил на русский язык ещё в 2001–2003 гг. (Heinrich Seuse 2003)!

Спустя некоторое время это открытие подтвердилось, после того как составители опубликованного в конце 2016 г. каталога западноевропейских рукописей, хранящихся в РГБ, в описании рукописи M (*Abendländische Handschriften* 2016: 204–205) со ссылкой на А. Фрекманн также высказали предположение, что в данном случае «речь, вероятно, идет о «Книжице Любви» («*Minnebüchlein*»), по-немецки сохранившейся в единственном манускрипте Zürich, Zentralbibliothek: Cod. C 96» (*Abendländische Handschriften* 2016: 204).

Обнаруженный факт существования двух версий — латинской и немецкой — одного и того же текста неизбежно ставит вопрос, насколько эти версии совпадают и, главное, какая из этих версий первоначальная? Иначе говоря, какая из них могла послужить оригиналом, а какая стала переводом? Попытка ответить на этот вопрос и предпринимается в этой статье.

Публикуя текст немецкой версии «Книжицы Любви» в своем томе собрания сочинений Генриха Сузо (Heinrich Seuse 1907) и тем самым приписывая, пусть и с оговорками, авторство данного текста этому доминиканцу, Карл Бильмейер заметил, что его «подлинность недостоверна, но весьма правдоподобна» («*Echtheit nicht sicher, aber sehr wahrscheinlich*», Heinrich Seuse 1907: 537). Основанием для такого вывода ему послужил тот факт, что в значительной своей части «Книжица Любви» просто скомпилирована из различных глав «Книжицы Вечной Премудрости» — сочинения, в отношении которого

авторство Генриха Сузо не вызывает сомнений, поскольку по имеющимся данным он сам включил его в прижизненное собрание своих сочинений, известное как «Exemplar» (Heinrich Seuse 2014).

К сожалению, детальная реконструкция истории рукописи М до того, как она стала частью коллекции А. С. Норова и затем вошла в состав библиотеки Румянцевского музея, не представляется возможной по причине отсутствия соответствующих записей в самой рукописи. Весьма вероятно, что А. С. Норов приобрел данный манускрипт во время своего большого путешествия в Европу в начале 1820-х гг., когда он много времени провел в Германии. Впрочем, нельзя исключать и того, что рукопись М могла быть приобретена им позднее, в 1840-х гг. (Abendländische Handschriften 2016: 204). К сожалению, ни точная дата, ни место, ни обстоятельства этого приобретения неизвестны, что затрудняет также ответ на вопрос о происхождении рукописи М и местах её пребывания до первой половины XIX в. Лишь в незначительной степени эту лауну могут компенсировать сведения о переписчике «*Libellus caritatis*», содержащиеся в рукописи М:

«Explicit libellus caritatis per manus Johannis de Hexheim humilimi vestri pro quo ut prevenientis gratiae principium deducat ad proficiens medium et ad finem perficientem felicissimum patrem domini nostri Jhesu Cristi secundum quod paraclitum ab utroque eternaliter emanantem devocius exoretis» (М: 15r).

Под именем Иоанна из Хексхайма (Johannes de Hexheim) в XIV и XV вв. был известен ряд лиц, проживавших преимущественно на юго-западе Германии и в Эльзасе или происходивших из этого региона, где находилось несколько населенных пунктов, носивших название «Хексхайм» (Hexheim; также Hexheim, Hegssheim) (Chmel 1962: 149). Некоторые из них сохранились до нашего времени. Данный факт позволяет локализовать рукопись М именно в этом регионе. Кроме того, об этом также свидетельствует ряд языковых особенностей текста рукописи, например, доминировавшее в этом регионе употребление «у» вместо «i» в топониме Hexheim. Помимо этого, сам характер содержащихся в рукописи М сведений о переписчике Иоанне из Хексхайма позволяет предположить, что, вероятнее всего, он был именно переписчиком, а не составителем и тем более не автором анонимных текстов данной рукописи.

Единственная встречающаяся в кодексе РГБ, Фонд 201, № 33 точная дата — 4 июля 1308 г. (M: 75v) — вряд ли может что-либо сказать о «*Libellus caritatis*», потому что она относится к другому тексту, а именно к анонимному «*Expositio sive glossa sequentiarum*», содержащемуся в последней части рукописи M (*Abendländische Handschriften* 2016: 205). Латинская «Книжица Любви» образует первую часть этой рукописи, которая по всем признакам является сборником, составленным из текстов, переписанных в разное время и разными переписчиками. Объединяет их только то, что все они в той или иной степени посвящены теме Страстей Христовых и вопросам их духовного созерцания. Видимо, по этому тематическому принципу сборник и составлялся. Кроме того, 1308 г. является слишком ранней датой для датировки текста, содержащего многочисленные пассажи из сочинений автора, родившегося в конце 1290-х гг. и скончавшегося в 1366 г. Очевидно, что рукопись «*Libellus caritatis*» в манускрипте M следует датировать более поздней датой, что также наиболее вероятно и с палеографической точки зрения.

И всё же, какая из двух версий «Книжицы Любви» — оригинал, а какая — перевод: немецкая «*Minnebüchlein*» или латинская «*Libellus caritatis*»? Для того чтобы попытаться ответить на этот вопрос, сравним обе версии. На первый взгляд, в подавляющем большинстве глав они почти идентичны и точно воспроизводят содержание друг друга на другом языке. Поэтому особенно примечательными можно считать те небольшие различия, которые всё же дают о себе знать при сравнении немецкой и латинской версий «Книжицы Любви». Именно эти различия и позволяют заключить, что, вероятнее всего, немецкий текст в данном случае является переводом с латинского, тогда как очевидных примеров, которые бы подтверждали обратное, не встречается.

Рассмотрим эти различия между двумя версиями подробнее. Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в немецкой версии очень часто тщательно воспроизводятся, практически «калькируются» грамматические, синтаксические и семантические структуры, характерные для латинского языка, тогда как сказать то же самое о латинской версии не представляется возможным. Приведем несколько характерных случаев такой «калькирующей» максимально точной внешней передачи на немецком языке латинского оригинала, вплоть до префиксов и порядка слов:

M: f. 2r–v	Heinrich Seuse 1907: 537–538; Z: f. 63v
proficiam (M: f. 2r) / deficiam (M: f. 2r)	zũ neme / ab neme (Heinrich Seuse 1907: 537,13; Z: f. 63v)
cogita(que) (M: f. 2r) / recogita (M: f. 2v)	gedenk (Heinrich Seuse 1907: 538,5; Z: f. 63v) / hinderdenk (Heinrich Seuse 1907: 538,7; Z: f. 63v)
ita ut ego iam non ego sed tu in me et ego in te indissolubili vinculo amoris eternaliter maneamus (M: f. 2r)	also daz ietze ich nût ich, sunder daz du in mir und ich in dir mit vestem band der minne vereinbert eweclichen beliben (Heinrich Seuse 1907: 537,14–15; Z: f. 63v)

Но гораздо более интересны те случаи, когда всё же имеют место определенные различия. Например, в одном таком показательном случае содержащееся в латинской версии слово «философия» («*philosophia*») в немецкой версии утрачивается и в соответствующем месте немецкого текста заменяется на слово «искусство» («*kunst*»).

M: f. 2r	Heinrich Seuse 1907: 537,11; Z: f. 63v
Pone meam in tuis vulneribus <i>philosophiam</i>	Lege alle min kunst an din wunden

Очевидно, что «*kunst*» в данном случае служит именно для передачи по-немецки слова «*philosophia*», и определенный смысл в таком переводе есть, если принять во внимание, что в средневековых университетах философия изучалась на факультетах искусств, точнее, семи свободных искусств, которые также назывались философскими. Выпускники этих факультетов получали ученые степени бакалавров и магистров искусств, а не философии, которая всплывала лишь при получении докторской степени. В случае двух анализируемых версий важным представляется то, что если перевод «*philosophia*» как «*kunst*» еще можно объяснить этой средневековой ассоциативно-смысловой связью философии с факультетом искусств, то в том случае, если бы имел место перевод с немецкого на латинский, т. е. перевод слова «*kunst*» как «*philosophia*», правильным вариантом представлялось бы латинское слово «*ars*», а отнюдь не «*philosophia*».

Помимо этого, в немецкой версии иногда встречаются дополнительные слова, целью которых является как можно точнее передать смысл латинского слова (чаще всего, абстрактного

понятия) в тех случаях, когда точно передать значение посредством одного слова не представляется возможным. Например, это имеет место в следующей конструкции:

M: f. 2r; 4r	Heinrich Seuse 1907: 537,10; 540,24; Z: ff. 63v, 65v
dominum dominancium	herre aller herren (dominum = herre; dominancium = aller herren)

В данном случае, переводчик, очевидно, добавил конструкцию «*aller herren*» для того, чтобы подчеркнуть не-идентичность «*dominancium*» и «*dominum*». Но для подтверждения выдвигаемой в этой статье гипотезы не менее важно, что и в этом случае версия о возможном переводе с немецкого на латинский представляется маловероятной: вряд ли можно поверить в то, что переводчик, который старается тщательно, вплоть до префиксов, воспроизводить особенности оригинала, перевел бы «*herre aller herren*» как «*dominum dominancium*».

Нечто подобное имеет место также и в ряде других случаев. В особенности любопытны те из них, где в немецкой версии добавляются слова с целью сделать смысл латинских конструкций более понятным немецкому читателю, но которые самим латинским текстом как таковым вовсе не предполагаются и потому в нем отсутствуют. Зачастую это происходит в тех случаях, когда для передачи синтетических конструкций латинского языка в немецком переводе необходимо употребление аналитических конструкций либо отсутствующих в латинском языковых элементов, например, артиклей или субъекта при несубстантивированном предикате (который в латинском языке может быть вполне субстантивированным и не требовать эксплицитного наличия субъекта). В этих случаях версия о переводе с немецкого на латинский представляется также крайне маловероятной:

M: f. 2r–v	Heinrich Seuse 1907: 537–538; Z: f. 63v–64r
omnibus mutabilibus (а не « <i>omnibus rebus mutabilibus</i> », как должно было бы быть в случае перевода с немецкого на латинский) (M: f. 2r)	allen zergangklichen dingen (Heinrich Seuse 1907: 537,13; Z: f. 63v)

sapienciam patris (M: f. 2r)	ewigú wisheit des himelschen vatters (Heinrich Seuse 1907: 538, 3–4; Z: f. 63v)
unicam (M: f. 2r)	ze einem einigen lieb (S. 538,4; Z: f. 63v)
intra paulisper secretum cordis tui (M: f. 2r)	gang ein willi in dich, in die heimlikeit dines hertzen (Heinrich Seuse 1907: 538,2–3; Z: f. 63v)
revertere, o dilecta anima, revertere (M: f. 2v)	ker wider ze dir selben, min geminte sele (Heinrich Seuse 1907: 538,8–9; Z: f. 64r)

Ещё менее вероятна возможность перевода немецкой конструкции «hab ein wonung» (Heinrich Seuse 1907: 538,14; Z: f. 64r), по всем признакам идиоматической, на латинский как «intime iugiter pertractemus» (M: f. 2v). Скорее всего, в данном случае переводчик использовал идиоматическое выражение для передачи абстрактного смысла ёмкой латинской фразы, точного аналога которой он в немецком языке просто не смог найти:

M: f. 2v	Heinrich Seuse 1907: 538,13–14; Z: f. 64r
quem [...] intime iugiter pertractemus	der geminte [...] in unserm hertzen hab ein wonung

В другом случае, если бы имел место перевод с немецкого, то было бы трудно объяснить, почему переводчик решил опустить выражение «die milten wise» (Heinrich Seuse 1907: 538,7; Z: f. 64v) в латинской версии, хотя мог бы вполне использовать типичное «suaviter». Кроме того, всю немецкую конструкцию «hinderdenk ze grunde die milten wise», о которой здесь идет речь, он также вряд ли бы передал как «recogita ex intimis tam primum modum» (M: f. 2v), в то время как перевод с латинского на немецкий этого вовсе не исключает — хотя бы потому, что можно интерпретировать «ex intimis» как «ze grunde» (учитывая, что понятие «grund» иногда использовалось в немецкой духовной литературе для обозначения «intimum animae» Августина), но маловероятно, чтобы для передачи понятия «grund» на латинском было выбрано не нормативное «fundamentum», а нечто иное, даже если принять во внимание, что вся фраза в данном случае передана переводчиком с изрядным отступлением от оригинала:

M: f. 2v	Heinrich Seuse 1907: 538,7–8; Z: f. 64r–v
recogita ex intimis tam primum modum (не «suaviter» для «die milten wise») quo te per suam mortem ab eterna liberavit	hinderdenk (Z: 64r) ze grunde die milten wise, wie er dich mit sinem tode erlo ^e set ha ^v t (опущены присутствующие в латинской версии «tam primum modum» и «ab eterna»)

Подстраиваясь под латинский текст, немецкий переводчик копирует иногда даже латинский порядок слов, нормальный для латыни, но выглядящий искусственным в немецкой версии, как, например, когда он передает «mentis exaltatio» как «des gemu^etes ein ermundrung». Любопытно, что во второй раз «mentis exaltatio» передается им уже иначе, а именно как «ein erwecken des hertzen», что выглядит, скажем так, более по-немецки, хотя и является существенным отступлением от латинского оригинала:

M: f. 2r (ср. f. 4v)	Heinrich Seuse 1907: 538,1; Z: f. 63v (ср. 541,24; Z: f. 66r)
Mentis exaltatio	Des gemu ^e tes ein ermundrung (а не более естественное для немецкого языка «ein ermundrung des gemu ^e tes»). Ср. 541,24; Z: f. 66r: Ein erwecken des hertzen (в латинской версии f. 4v: Mentis exaltatio)

Впрочем, нельзя исключать, что различные главы «Libellus caritatis» могли переводиться на немецкий язык разными переводчиками (либо правиться разными редакторами), на что также могут указывать и некоторые из приведенных выше примеров, оставляющих впечатление некоторой переводческой непоследовательности, если не небрежности.

По-видимому, уже не столько переводческой небрежности, сколько оплошности переписчика можно приписать случай, когда вместо устойчивой конструкции «fons aquae vivaе/vitae» в рукописи вдруг читается «fons aquae vine»:

M: f. 6r	Heinrich Seuse 1907: 543,6; Z: f. 67r
O fons aque vine (вместо «fons aquae vivaе» либо «fons aquae vitae»)	brunne des lebenden wassers

Даже принимая во внимание, что в фактически использованной в рукописи графике в словах «uice» и «uine» написание буквы «u» могло в самом деле очень сильно напоминать букву «n», в рукописи все же более отчетливо читается именно «vine». Возможно, в данном случае переписчик мог просто устать и задуматься о чём-то своём. А, может быть, в какой-то момент его рука просто пошла не так и допустила орфографическую ошибку, вернее даже, ошибку чистописания.

И всё же гораздо важнее для ответов на вопросы об авторстве и времени возникновения текста «*Libellus caritatis*» являются примеры употребления латинской терминологии, которая в оригинальных сочинениях Генриха Сузо не встречается и в целом является нетипичной для его современников. В частности, речь идет об употреблении понятия «*summa felicitas*» в тех случаях, где Сузо в своих латинских текстах обычно использует термин «*beatitudo*»:

M: f. 2v (cp. f. 11v)	Heinrich Seuse 1907: 538,17–18; Z: f. 64r
ut per eum tanquam per viam regiam ad summam felicitatem (<i>ne beatitudo!</i>) tendamus	daz wir durch in sam dur ein kuniglich stra ^v sse hin ze der ewigen sa ^e likeit komen

Не вдаваясь в детали этой темы, подробнее рассмотренные в другой публикации (Khorikov 2010), здесь можно лишь вкратце заметить, что термин «*summa felicitas*» (или «*aeterna felicitas*») в начале и первой половине XIV в. в теологических контекстах не использовался по причине его близости запрещенным интерпретациям, близким, с одной стороны, радикальному аристотелизму, а, с другой стороны, учениям бегардов и бегинок, неоднократно осуждавшимся, в частности, в 1270 г. в Париже и в 1311–1312 гг. на Вьеннском Соборе. Термин «*felicitas*» оставался в это время уделом философских интерпретаций «Никомаховой этики» Аристотеля, в то время как теологи использовали для рассуждений о вечном спасении термин «*beatitudo*». Особую щепетильность проявляли в этом вопросе теологи из ордена доминиканцев, в сочинениях которых термин «*beatitudo*» доминирует в указанном контексте с конца XIII и до первой половины XIV вв. Генрих Сузо в данном случае отнюдь не исключение. Правда, немецкий термин «*sa^elikeit*» в равной степени использовался как для перевода «*aeterna/summa felicitas*», так и «*beatitudo*», что не способствовало пониманию, зато могло оградить от подозрений в ереси. Справедливости

ради следует заметить, что в содержащемся в «*Horologium Sapientiae*» Генриха Сузо ближайшем аналоге рассматриваемого пассажа «*Libellus caritatis*» имеется в виду постепенное восхождение души, а не «*summa felicitas*» или «*beatitudo*»: «[...] *tanquam per viam regiam gradatim ascendere ad altiora discas*» (Heinrich Seuse 1977: 384, 8–9).

По-видимому, в последней четверти XIV в. богословские проблемы рубежа XIII–XIV вв. перестали быть актуальными, а благодаря влиянию набравшего силу августинизма понятия «*aeterna/summa felicitas*» и «*beatitudo*» стали рассматриваться под влиянием терминологии Августина как синонимы и соответствующим образом употребляться практически во всех богословских сочинениях. Поэтому использование в «*Libellus caritatis*» термина «*summa felicitas*» означает, что, вероятнее всего, этот текст не мог быть составлен ранее конца XIV в. Основанная на палеографических и кодикологических данных датировка немецкой рукописи Z концом XIV или началом XV в. также подтверждает эту версию, даже несмотря на то, что термин «*sa^elikeit*» не может служить в её случае таким же надежным маркером, как его латинские аналоги для «*Libellus caritatis*». Таким образом, на основании сказанного можно сделать вполне определенный вывод о том, что нет никаких оснований приписывать авторство обеих версий «Книжицы Любви» Генриху Сузо. В лучшем случае, речь идет о компиляциях на основе текстов Сузо, составленных не ранее последней четверти XIV в., т.е. уже после смерти этого немецкого доминиканца.

Не менее важным также представляется вывод о том, что «*Minnebüchlein*», судя по всему, представляет собой немецкий перевод латинского текста «*Libellus caritatis*». О том, что имел место именно перевод с латинского на немецкий, а не наоборот, помимо вышеприведенных доводов свидетельствует также и тот факт, что в немецком тексте сохранились вводные латинские фразы к каждому абзацу, организующие весь текст. Очень часто они указывают на сокращение текста, предполагающее, что латинский текст в оригинале продолжается дальше (см., например, Heinrich Seuse 1907: 539,25 «*O fortitudo mea etc.*»; 540,11 «*O copiosissima etc.*»; 541,7 «*O solus princeps etc.*»).

При этом маловероятно, что содержащейся в рукописи Z немецкий перевод был сделан с латинского текста, версия которого сохранилась в рукописи M. Основанием для такого вывода служит тот факт, что при почти полном совпадении

первых двух частей обеих версий текста «Книжицы Любви», его третья часть в рукописи Z существенно отличается от версии рукописи M, и поэтому она не могла быть переведена с неё. Очевидно, что в данном случае оригиналом послужила какая-то иная латинская рукопись, по-видимому, несохранившаяся.

Означают ли изложенные в этой статье результаты исследования, что «Книжицу Любви» следует раз и навсегда изъять из корпуса сочинений Генриха Сузо? Представляется, что речь менее всего должна идти именно об этом. Помимо сочинений Генриха Сузо, рассматриваемых большинством исследователей как аутентичные, такие поздние компиляции, как «*Minnebüchlein*» и «*Libellus caritatis*», должны непременно оставаться неотъемлемыми частями гигантского корпуса Сузо, куда входят сотни, если не тысячи, рукописей с его сохранившимися сочинениями, эссецптами из них и сделанными на их основе компиляциями, иногда очень сильно переработанными. Без них вряд ли будет понятен и адекватно оценен весь грандиозный масштаб этого автора и роли его наследия в формировании духовной культуры позднего Средневековья. «Книжица Любви» — это немаловажная часть этого наследия, способная при внимательном к ней отношении многое рассказать о том, что представляла собой локальная рецепция сочинений Генриха Сузо в конкретное время в конкретном месте, а именно, в конце XIV в. на Верхнем Рейне.

Литература

- Abendländische Handschriften 2016: *Abendländische Handschriften des Mittelalters und der frühen Neuzeit in den Beständen der Russischen Staatsbibliothek (Moskau)*. D. Barow-Vassilevitch, M.-L. Heckmann (ed.), Wiesbaden.
- Chmel 1962: *Regesta chronologico-diplomatica Frederici III Romanorum Imperatoris (Regis IV)*. J. Chmel (ed.), Wien 1838–1840 (Nachdruck 1962).
- Heinrich Seuse 1907: *Minnebüchlein*, in: Heinrich Seuse, *Deutsche Schriften*. K. Bihlmeyer (ed.), Stuttgart. S. 537–554.
- Heinrich Seuse 1977: Heinrich Seuse, *Horologium sapientiae*. Erste kritische Ausgabe. P. Künzle (ed.). Freiburg (Spicilegium Friburgense 23).
- Heinrich Seuse 2003: [Heinrich Seuse. *Kniga lyubvi*]. In: Khorkov, M. L. (tr.) Heinrich Seuse. *Kniga istiny. Kniga lyubvi* [A little book of Truth. A little book of Love]. St. Petersburg, 149–169. Генрих Сузо

- 2003: [Генрих Сузо]. Книга Любви. В кн.: Генрих Сузо. *Книга Истины. Книга Любви*. М. Л. Хорьков (перевод), СПб., 149–169.
- Heinrich Seuse 2014: Reutin M. Yu. (tr., comm.). [Heinrich Seuse. *Exemplar*]. Moscow. Генрих Сузо 2014: Генрих Сузо. *Exemplar*. М. Ю. Реутин (перевод, примечания), М.
- Khorkov, M. 2010: Zur Meister Eckhart-Rezeption im Spätmittelalter, *Recherches de Théologie et Philosophie médiévales* 77/1, 125–136.

Сокращения

M: Москва, РГБ, Фонд 201, № 33, 1v–15r.

Z: Zürich, Zentralbibliothek, Ms. C 96, ff. 63v–75r.